

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

С.Е. Михеенков

КТО ОСТАНОВИЛ ГУДЕРИАНА?

Сергей Егорович Михеенков
Кто остановил Гудериана?
Серия «Вся правда о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63067958

Кто остановил Гудериана? :

ISBN 978-5-4484-8415-5

Аннотация

Первый год войны был самым трудным и кровопролитным. Красная армия отступала под ударами превосходящих сил врага. Об этом непростом времени рассказывает книга Сергея Михеенкова. Основное внимание автор уделяет действиям 50-й армии, которая смогла остановить наступление Гудериана. Затем армия совершила стремительный бросок на Калугу, который одновременно рассёк фронт немецких войск и вернул калужанам и всей воюющей стране Калугу – старинный русский город на Оке.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава первая	7
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Сергей Егорович
Михеенков**

Кто остановил Гудериана?

© Михеенков С.Е., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие автора

Странная история: о генерале Гудериане мы знаем достаточно много – что он стремительным маневром осенью 1941 года решил судьбу Киева, а потом ринулся на Москву, что на его пути встала Тула и её он преодолеть не смог, за что был отстранён от командования 2-й танковой армией, от должности и так далее...

А вот кто его остановил под Тулой (не сам же он остановился и не в грязи завяз под Ясной Поляной и Косой Горой), это каким-то непостижимым образом вылетает из нашего сознания.

2-ю танковую армию генерал-полковника Гейнца Гудериана (три моторизованных и два армейских корпуса) остановила под Тулой 50-я армия, которой в тот период последовательно командовали генерал-майор А.Н. Ермаков и генерал-лейтенант И.В. Болдин, а также тульские ополченцы, которые решили умереть на окраинах своего города, но не отдать его врагу.

Был у 50-й и ещё один командарм – генерал-майор М.П. Петров. Он погиб в октябре. Погиб вместе со своей армией, попавшей в окружение под Брянском. Но – удивительное дело! – армия возродилась буквально за несколько дней. Дивизии вышли из окружения разбитыми вдребезги. Из отделения вышел только один, из взвода – трое, из роты – едва

отделение... И они, цепляясь за промежуточные позиции на Рессете, Неручи, Оке и Зуше, пополняясь маршевыми ротами, подходившими из тыловых районов и за счёт окруженцев, от боя к бою, от стычки к стычке, истощали силы врага, изматывали его.

На Тулу Гудериан бросил своего верного и удачливого полковника Эбербаха, подчинив ему ударную группировку. Она буквально влетела в пригород Тулы по Одоевскому шоссе и тут же была расстреляна зенитными расчётами из 732-го зенитно-артиллерийского полка.

50-я армия, уже с другим командующим, героем летних боёв генералом И.В. Болдиным, отбросила дивизии и корпуса 2-й танковой армии от Оки, а затем стремительным рейдом, в тот период беспримерным по дерзости, захватила Калугу и ринулась далее на запад к Юхнову и Мосальску.

Вот, оказывается, кто бил «быстроходного Гейнца», а затем его преемника генерала Шмидта.

В этой книге я попытался рассказать об основных сражениях и боях противоборствующих армий. О героях этих сражений. О тех полковниках, лейтенантах и бойцах, которые на равных противостояли германским офицерам и солдатам, к тому времени покорившим пол-Европы. Противостояли и побеждали.

Глава первая

Разгром на Десне и Рессете

«ПРОРЫВ НА ВОСТОК ОРГАНИЗОВАТЬ ТАК, ЧТОБЫ НИ ОДНА ДИВИЗИЯ НЕ БЫЛА ОКРУЖЕНА ИЛИ ОТРЕЗАНА ПРОТИВНИКОМ...»

Танки «Тайфуна» под Калугой и Тулой. Значение Калуги и Тулы для обороны Москвы. Оборона 50-й армии на Десне. Удар Гудериана. Отход от Десны. Падение Кирова, Людинова, Жиздры. 217-я стрелковая и судьба полковника Грачёва. Отважный курд Саманд Сиабандов. Подвиг людиновских подпольщиков. Алексей Шумацев. Отец Викторин Зарецкий. Пропажа генерала Ерёменко. Ставка возлагает командование войсками Брянского фронта на генерала Петрова. Северный и южный котлы под Брянском. Из дневника фон Бока: «... главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения». Выход армии к Хвастовичам

На девятый день после прорыва оборонительных линий Красной армии на Десне восточнее Рославля немецкие танки стояли уже у Калуги и производили частичную перегруппировку, готовясь к атаке на город.

Осень 1941 года выдалась на редкость тёплой и погожей. Командующий войсками группы армий «Центр» фельдмаршал Фёдор фон Бок торопил свои дивизии вперёд. До на-

ступления холодов нужно было успеть завершить окружение русской столицы, сомкнуть северный и южный потоки наступающих группировок восточнее Москвы и придушить в этом гигантском котле остатки Красной армии. Котлы под Брянском, Рославлем и Вязьмой принесли колоссальные победы. Но фон Бок прекрасно понимал, что эти победы имеют характер промежуточных результатов. Цель – Москва – по-прежнему оставалась недостигнутой. График наступления срывался. Заминка под Вязьмой, Рославлем и Брянском, связанная с ликвидацией котлов и подсчётом трофеев, могла стоить слишком дорого. Но тогда, в начале октября, всё казалось поправимым.

Немецкие танкисты, стоя на башнях своих приземистых Т-IV, разглядывали в бинокли восточный горизонт. Колонна остановилась неподалёку от железнодорожной станции Товарково. Впереди слышалась стрельба. Кажется, происходило что-то серьёзное. Тяжёлые снаряды иногда пролетали над головами танкистов и рвались в тылу. Это была неприцельная стрельба. Или с авангардом, ушедшим вперёд, уже покончено, и иваны переносят огонь в глубину, нащупывая их колонну. Или там идёт бесперспективный бой.

Из головы колонны передали команду рассредоточиться, и спустя несколько минут на дороге легли первые снаряды. Значит, произошло первое.

Так встретили немцев на подступах к Калуге.

Калуга и окрестности составляли левое крыло Можай-

ской линии обороны. Калужский участок к моменту прорыва немцев под Рославлем оказался самым малоприспособленным к ведению боевых действий. Достроить его попросту не успели. Калужан эшелонами гоняли под Ельню и к Рославлю копать противотанковые рвы, но о строительстве подобного в окрестностях города, похоже, власти и не помышляли. Все были уверены, что враг сюда не пройдёт, будет остановлен на Десне и Днепре в сотнях километрах от Оки.

Достаточного количества войск в Калуге тоже не оказалось. 5-я гвардейская дивизия полковника Миронова и части 194-й сд, случайно оказавшиеся в районе Калуги на пути от Вязьмы в район Брянска, приняли бой на ключевом рубеже возле д. Плетенёвки и затем несколько суток сдерживали движение двух немецких армейских корпусов¹. Обе дивизии к тому времени будут подчинены полевому управлению 49-й армии генерала Захаркина. И это спасёт положение.

Калуга была взята штурмом в ночь с 13 на 14 октября 1941 года. В город вошла дивизия 13-го армейского корпуса.

В эту ночь левее Калуги на юго-западе 50-я армия генерала Петрова вела переправу через р. Рессета. Уже несколько суток она дралась с перевёрнутыми флангами, пытаясь вырваться из окружения.

Судьба ближайших дней и месяцев сложится так, что эти две армии, 50-я и 49-я, будут стоять бок о бок от Высоки-

¹ Подробнее о боях в районе Калуги читай в книге «Серпухов. Последний рубеж. 49-я армия в битве за Москву, 1941». М.: Центрполиграф, 2011.

ничей до Тулы и сдерживать натиск правого крыла и центра немецких войск, рвущихся к Москве. Вперёд, в ходе декабрьского наступления, они пойдут тоже рядом, часто помогая одна другой. Фланговые дивизии, прикрывающие стык, будут передаваться то 49-й, то 50-й армии в зависимости от обстоятельств и оперативных задач.

А тогда, в октябре, после катастрофы под Вязьмой, Рославлем и Брянском, никакого фронта и локтевого взаимодействия ещё не было. Войска с колоссальными потерями в живой силе и вооружении выходили из окружения. Фронты были разорваны, управление армиями потеряно, да и сами армии фактически прекратили своё существование. Их создавали заново, на новых рубежах из остатков растрёпанных дивизий и частей.

50-я армия генерала Петрова входила в состав Брянского фронта и занимала рубеж обороны на правом фланге, примыкающем к левофланговой 43-й армии Резервного фронта. Позиции её проходили по линии Фроловка, Рековичи, Столбы, Красная Слобода, Слобода Попсуева по восточному берегу р. Десна к северу от Брянска в сторону Рославля. Протяжённость фронта – 46 км. Состав армии: 217, 258, 260, 269, 278, 280, 290, 299-я сд, 55-я кавалерийская дивизия, артполки и инженерные части.

Как известно, «Тайфун» на участке Брянского фронта ударил раньше основного срока – 30 сентября. Командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан спешил вос-

пользоваться хорошей погодой, ведь впереди его ждало бездорожье. Удар он наносил на юг, в сторону Киева. Не задействованные в основном операции, которая начиналась только через двое суток, силы воздушного флота группы армий «Центр» работали на него.

Первый удар танкового клина Гудериана приняла на себя 13-я армия генерала Городнянского. Немцы атаковали в районе Шостки и Ямполья и сразу же глубоко вклинились в порядки 13-й. На главном направлении глубина вклинения составила 30 км – это уже было похоже на прорыв на всю глубину обороны. Начался марш Гудериана на юг. Он будет удачным для немцев. Но, как говорят некоторые историки, именно отвлечение в район Киева мощнейшей танковой группировки вскоре станет одной из причин неудачи под Москвой.

50-я армия стояла на Десне, прикрывая Киров, Жиздру, Мценск, и ждала своей участи. Противник на участке её обороны пока молчал.

2 октября, когда стало ясно, что Брянский фронт прорван, Сталин позвонил командующему войсками фронта генерал-полковнику Ерёменко.

– Необходимо уничтожить противника, перешедшего в наступление, – сказал Верховный, выслушав доклад Ерёменко.

– Есть. Будет уничтожен, – заверил комфронта Сталина. Но катастрофа была уже предрешена.

События развивались так. Днём раньше, 1 октября, мо-

торизованные и пехотные дивизии 4-й полевой армии и 4-й танковой группы нанесли сильнейший удар из районов Рославля и Глухова в стык Резервного и Брянского фронтов. Стык прикрывали 43-я армия Резервного и 50-я армия Брянского фронтов. Противник сконцентрировал здесь основные ударные силы, добившись многократного превосходства в живой силе, танках, орудиях и самолётах.

Немцы прорвали фронт в районе Варшавского шоссе и устремились вперёд. Одновременно часть сил повернула вдоль железной дороги Рославль – Киров. Здесь наступающие колонны встретила 217-я сд 50-й армии. Завязались тяжёлые бои, в ходе которых сразу стало очевидным, что противостоять кратно превосходящему противнику невозможно. Одна из кровопролитных схваток дивизии с наступающими частями противника произошла под с. Бутчин (ныне Куйбышевского района Калужской области) при попытке прикрыть город Людиново.

Дивизией командовал полковник М.А. Грачёв. Он отдал приказ на отход, прикрываясь усиленными арьергардами. Дивизия с боями отходила на восток. Казалось, всё для неё повторялось. В августе 1941 года дивизия попала в окружение в составе 28-й армии генерала В.Я. Качалова. Трагедия произошла недалеко отсюда, северо-западнее, в районе Рославля. Во время выхода из окружения командарм погиб. Вскоре вышел приказ № 270, подписанный Сталиным. В приказе Верховного генерал Качалов был объявлен преда-

телем и заочно осуждён. Только в 1953 году, когда стали известны все обстоятельства героической гибели командарма, Верховный Суд СССР отменил приказ № 270.

Дивизию выводили опытные и храбрые командиры. К примеру, 766-м сп командовал Герой Советского Союза подполковник И.Я. Кравченко. Звание Героя он получил ещё в 1940 году во время боёв в Зимней войне на линии Маннергейма.

Забегая немного вперёд, скажу, что 217-я с незначительными потерями выйдет из окружения и будет успешно драться под Тулой. Выведет её начальник политотдела Сиабандов. Но полковник Грачёв во время боёв в районе Болхова попадёт в немецкий плен. В 1945 году он будет освобождён из плена, но тут же, уже от своих, получит «десятку» без права переписки «за сотрудничество» с немцами в период пребывания в плену. Что это было за сотрудничество, неизвестно. В 1956 году бывшего полковника реабилитируют. После лагерей Михаил Алексеевич проживёт недолго, умрёт в 1963 году.

А 217-я сд пройдёт долгой и славной дорогой боёв и побед. Получит звание Унечской Краснознамённой орденов Ленина и Суворова. Войну завершит в Восточной Пруссии. Командовать её полками и батальонами будут уже другие офицеры.

Подполковник Саманд Алиевич Сиабандов пройдёт с дивизией до победы. Отважный курд тогда, в октябре 41-го,

за вывод дивизии из окружения будет награждён солдатской медалью «За отвагу». Впоследствии к его наградам прибавятся два ордена Красного Знамени, три ордена Отечественной войны, два из них 1-й степени. В 1944 году при форсировании р. Нарев возглавит ударную группу дивизии, вновь отличится, и будет представлен к званию Героя Советского Союза. После войны будет жить в Ереване, напишет несколько книг и составит курдско-армянский словарь.

4 октября генерал Петров доложил в штаб фронта: 217-я сд к исходу дня отходит в район Олышаницы, Волынский переезд, высота 96,7 – южнее Людинова в 20 км.

Здесь, в районе Людинова, к ней присоединились остатки 290-й стрелковой дивизии и 643-й корпусной артполк. Полки и батальоны заняли оборону. Вскоре появился противник и тут же атаковал. Но и первая, и вторая, и последующие попытки немцев прорвать оборону дивизий были пресечены. Отлично работали артиллеристы. Двое суток сдерживали наши бойцы противника на этом участке. Но вскоре стала очевидной опасность обхода с флангов. И снова начался марш на восток. Людиново пришлось оставить.

Рабочий городок Людиново (ныне центр одноимённого района Калужской области) в историю Великой Отечественной войны вошёл подвигом своих подпольщиков и партизан. Здесь действовала группа комсомольцев под руководством Алексея Шумавцова. Вместе с ними работал местный священник о. Викторин (Зарецкий). Алексею Шумавцову к мо-

менту прихода в Людиново немцев только-только исполнилось 16 лет. Несмотря на юный возраст, он смог так организовать и вести работу подпольной группы, что ни немецкие власти во главе с комендантом города майором Бенкендорфом, ни местная полиция долгое время не могли понять, почему взрываются важнейшие объекты, каким образом и через кого из города уходит в лес информация о расположении немецких частей, их численности, вооружении. Партизаны переправляли ценные сведения дальше. Итогом этой работы были налёты советской авиации на склады боеприпасов в прифронтовой полосе, на хранилища горючего в ближайшем тылу немецкой группировки, которая держала фронт в районе Людинова. Причём бомбовые удары были настолько точными и сокрушительными, что немцы вскоре поняли природу их происхождения. Кроме того, группа Орла (агентурная кличка Алексея Шумавцова) провела серию диверсий: взорвала мост, уничтожила электростанцию, склад горючего, подорвала и вывела из строя десятки грузовых машин, принадлежавших германской армии. Когда Красная армия в ходе Московской наступательной операции приблизилась к Людинову, а это произошло в январе 1942 года, Орёл получил задание разведать систему обороны фашистов северо-западнее города. Данные были собраны в самые короткие сроки и переданы в лес.

Подпольщики были арестованы в октябре 42-го. Их выдал полиции мастер локомобильного завода. Начались допросы,

пытки. 10 ноября 1942 года Алексей Шумавцов и его товарищи были казнены на окраине города. В середине 1950-х годов в Москве на одном из железнодорожных вокзалов был арестован бывший старший следователь полиции г. Людино-ва и командир полицейской роты, сотрудник русской тайной полиции, действовавшей на оккупированной территории в пользу германской армии, Дмитрий Иванов. Следователям КГБ именно от бывшего полицейского стало известно и об Алексее Шумавцове и его товарищах, и о том, как твёрдо они держались на допросах, не выдав никого, и о той работе, которая была проведена группой Орла за год оккупации Людинова. В 1957 году Алексею Шумавцову и его товарищам были присвоены звания Героев Советского Союза. Священник Свято-Лазаревского храма г. Людинова о. Викторин (агентурная кличка Ясный) в 2007 году Указом Президента РФ по ходатайству прихожан и краеведов Калужской области награждён медалью «За отвагу». После провала группы комсомольцев-подпольщиков и казни Орла Ясный остался вне подозрения немцев и полиции и смог работать в одиночку до конца оккупации г. Людинова, обеспечивая бывшего начальника Людиновского райотдела НКВД, а в тот период командира партизанского отряда Василия Золотухина самыми свежими разведданными.

Но вернёмся в 50-ю армию, в начало октября 41-го, в полные трагедии дни и ночи прорыва немецких дивизий на восток и крушения фронтов, прикрывавших Москву.

6 октября генерал Петров доложил начальнику Генштаба о том, что противник в 15.30 захватил Брянск, что немецкие танки вошли в город с востока, что в Людинове тоже танки противника и что после короткой паузы танковая колонна вышла в направлении Жиздры, что связи со штабом фронта нет, и запросил «указаний, что делать, удерживать ли занимаемый рубеж».

Дело в том, что в эти дни штаб 50-й армии потерял связь со штабом фронта. Вернее и исторически точнее: штаб Брянского фронта, расположенный в районе Свень и 6 октября приблизительно в 14.30 атакованный немецкими танками, под огнём танковых пулемётов вынужден был эвакуироваться в район Белёва. Как комментирует этот эпизод военный историк Лев Лопуховский, «управление войсками фронта было полностью парализовано, что самым серьёзным образом осложнило их положение. С этого момента о судьбе командующего фронтом несколько дней ничего не было известно»².

Теперь о пропаже комфронта известно всё: генерал-полковник Ерёменко в эти дни командовал войсками одной из дивизий 3-й армии, лично отражая атаки противника, который тем временем целенаправленно осуществлял охват армий Брянского фронта и формировал котёл. В личной храбрости генералу Ерёменко отказать нельзя, но вот командование войсками фронта он в эти дни явно упустил. И про-

² Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 1941 года. М.: Яуза, 2006. С. 346.

тивник этим воспользовался. Правда, в штабе группы армий «Центр» несколько недооценили упорство армий, противостоящих 2-й полевой армии и танковым частям Гудериана. В ответ на обеспокоенность командующего 2-й танковой армией угрозой его левому флангу из штаба фон Бока ему ответили: «Окружение противника перед левым флангом 2-й армии не имеет столь решающего значения, как продвижение 2-й танковой армии на северо-восток. Если намеченный удар танковой армии и правым флангом 4-й армии будет успешным, то противник перед фронтом 2-й армии не избежит уничтожения...»³

Танки Гудериана в те дни летели на юг как на крыльях, в сутки покрывая расстояние в 50–60 км.

На запрос генерала Петрова, обратившегося в Генштаб напрямую, маршал Шапошников отдал рапоржение принять все меры к розыску комфронта. И далее: «При отсутствии Ерёменко Вам вступить во временное командование фронтом. Срочно выделить резерв для удара на восток в направлении на Орёл. Под хорошим прикрытием организуйте отвод армий фронта на рубеж Орла, Курска. Не допускайте окружения и паники. Директива передаётся»⁴.

Генерала Ерёменко в те дни разыскивали всеми возможными средствами. Но поскольку так и не нашли, 7 октября Ставка приняла решение: возложить временно командо-

³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 53.

⁴ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 154. Д. 91. Л. 356.

вание войсками фронта на командарма-50 генерал-майора М.П. Петрова, «подтвердив всем трём армиям фронта их задачу пробиваться на восток за линию ст. Ворошилово, Поньри, Льгов». «Прорыв на восток организовать так, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником, а матчасть артиллерии и пулемётов должна быть сохранена. Срочно донесите, какую имеете связь с 3-й и 13-й армиями. Донесите коротко намётку плана действий»⁵.

Основные положения директивы были следующими:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам:

а) энергично решить основную задачу фронта – разбив орловскую группировку противника, выйти на фронт Мценск (иск.), ст. Ворошилово, Поньри, Фатеж, Льгов, прикрывая направление на Тамбов и Воронеж;

б) Принять все меры к сохранению всех стрелковых и кавалерийских дивизий и материальной части, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником»⁶.

Поздно уже было догонять «подлеца Гудериана» и расходовать на эти нереальные марши и невозможные сражения силы и средства, которых у армий уже не оставалось.

Однако дальнейшие события показали, что те дивизии, которые потратили остаток своих сил на прорыв из окружения и выход на новые тыловые позиции, смогли сохранить

⁵ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 29.

⁶ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 1–3.

не только свои наименования и знамёна, но и основу, костяк командного состава, бойцов, а некоторые вытащили из болот и пойм Десны и Рессы материальную часть – артиллерию, транспорт, тылы.

Генерал Петров начал вывод войск фронта из окружения.

Генерал же Ерёменко впоследствии, когда командарм-50 будет считаться пропавшим без вести, напишет: «Итак, 7 октября рано утром я отдал предварительные распоряжения, переговорив лично с командующими 13-й и 3-й армиями, а в 14.00 этого же дня отдал общий приказ о повороте фронта на 180 градусов». Всё же не хватило наглости написать, что переговорил, мол, лично и с командующим 50-й армией...

Генерал Ерёменко, как выяснилось потом, тем временем находился в штабе 3-й армии генерала Крейзера⁷. И оттуда

⁷ Крейзер Яков Григорьевич (1905–1969) – советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Родился в Воронеже в еврейской семье. В Красной армии с 1921 г. С 1928 г. в 1-й Московской Пролетарской сд. Прошёл все ступени роста от командира взвода до комполка. В 1940 г. – командир 172-й сд. Войну встретил в должности командира 1-й мотострелковой дивизии в районе Борисова. В июле 1941 г. ранен и эвакуирован в тыл. За летние бои получил звание Герой Советского Союза. В августе 1941 г. получил звание генерал-майора. В августе назначен на должность командующего 3-й А. В 1942 г. окончил ускоренный курс Академии Генерального штаба. Был заместителем командующего 67-й А и ком. 1-й резервной армией. Некоторое время командовал 2-й гв. армией. Генерал-лейтенант (1943). С августа 1943 г. – командующий 51-й А, с которой участвовал в освобождении Донбасса, Крыма, Прибалтики. В годы войны был членом президиума Еврейского антифашистского комитета. В 1945 г. присвоено звание генерал-полковника. После войны командовал 7-й А, служил на Дальнем Востоке, на Урале, в Забайкалье. В 1953 г. во время «дела врачей», будучи вызванным в ЦК, ототрез отказался подписать «Письмо представителей еврейской

командовал фронтом. Правда, за эти дни ни одного приказа и распоряжения от командующего Брянским фронтом штаб 50-й армии не получил.

50-я армия попала в самую жестокую мясорубку. 3-я, 13-я и группа генерала Ермакова, несмотря на то что ещё 30 сентября угодили под таран танкового клина Гудериана, растрёпанные и постоянно отступающие от рубежа к рубежу, всё же держались вместе и из окружения выходили по кратчайшему маршруту, выбирая те направления, где было легче прорваться. 50-я, упорно стоя на своих рубежах, была окружена, дралась в полной изоляции, а потом вынуждена была прорываться на восток, чтобы не сгинуть под пулями и гусеницами немецких танков и в лагерях военнопленных. Прорывалась она по маршруту, указанному из Москвы, из Генштаба. Ох уж этот Генштаб!⁸

Гудериан повернул свою 18-ю танковую дивизию на северо-запад, к Хвостовичам и Кцыни, и 9 октября соединился с пехотными частями 2-й полевой армии генерала Вейхса. Брянский фронт оказался расчленённым на южный и северный котлы. В южном (район Трубчевска, Навли и Сузёмок)

общественности», требующее смертной казни для арестованных врачей-евреев. Генерал армии (1962). Похоронен на Новодевичьем кладбище. Награждён пятью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й ст., орденом Суворова 2-й ст., орденом Кутузова 1-й ст., орденом Богдана Хмельницкого 1-й ст. Оставил мемуары – книгу «В боях между Березиной и Днпром».

⁸ О возможной утечке информации через линию фронта из Генштаба см.: «Серпухов. Последний рубеж». М.: Центрполиграф, 2011.

сидели армии генералов Крейзера и Городнянского. В северном (Брянск, Дятьково) немцы начали сдавливать 50-ю. Группа генерала Ермакова действовала в отрыве от основных сил фронта, в районе Рыльск, Льгов.

А теперь давайте посмотрим, как реагировали в штабе группы армий «Центр» на попытки окружённых вырваться из запечатанных котлов.

Из дневника фельдмаршала фон Бока. Запись сделана 9 октября 1941 года:

«Издан специальный бюллетень, где говорится о втором котле под Брянском. Я позвонил Гальдеру и сказал, что намеренно никогда не упоминал об этом котле, так как его восточный фронт весьма шаток, и Гудериану с его слабыми, сравнительно, силами вряд ли удастся его надежно запечатать. Как только я повесил трубку, пришел рапорт о том, что там имели место две попытки прорыва, к счастью, вовремя пресеченные. Гудериан подтягивает в этом направлении свои силы, чтобы ликвидировать возможность крупного прорыва. Атакой с западного направления захвачен Трубчевск.

В ночь с 9 на 10 октября в 03.00 пришел прямой приказ фюрера в кратчайшие сроки направить в распоряжение Гудериана 19-ю танковую дивизию и пехотный полк “Великая Германия”, чтобы не позволить окруженному на юге от Брянска противнику совершить прорыв в восточном направлении! Я доложил, что 19-я танковая дивизия в настоящее

время находится на юго-западе от Юхнова и что ее отвод с занимаемых позиций поставит под угрозу снабжение 4-й армии и частей люфтваффе, каковое осуществляется по дороге, контролируемой 19-й танковой дивизией. Более того, в соответствии с информацией, полученной от 2-й армии, Брянскую дорогу нельзя использовать по назначению ранее 10 октября по причине многочисленных повреждений. По исправным секциям дороги движутся колонны машин с горючим для 2-й танковой армии (2-я ТГ). Доставка горючего прежним окружным путем с юга не может осуществляться по причине ужасного состояния грунтовых дорог. В этой связи я затребовал разъяснения, каковое действие считать приоритетным – доставку горючего или передислокацию полка “Великая Германия”. Из полученного ответа я себе уяснил, что Гудериан без 19-й дивизии может и обойтись и что доставка горючего, конечно же, имеет первый приоритет; однако передислокация полка “Великая Германия” в расположение 2-й танковой армии должна быть осуществлена по Брянской дороге в максимально сжатые сроки, как только состояние дороги это позволит.

Желая побыстрее прояснить обстановку под Брянском, я приказал танковой армии Гудериана разделаться с противником, окруженным на юге от города. С войсками, окруженными на севере от Брянска, предстоит иметь дело 2-й армии. При этом танковая армия должна следить за тем, чтобы противник из северного сектора окружения не прорвался в во-

сточном направлении».

В конце дня фон Бок записал: «Гудериану предложено иметь в виду, что после выхода к Туле его танковую группу могут повернуть более резко, нежели планировалось ранее, на восток в общем направлении на Рязань»⁹.

Итак, ликвидацию северного котла, где пехотные дивизии Вейхса и танки Гудериана продолжали сжимать 50-ю армию, в немецких штабах считали делом ближайших дней.

Но уже на следующий день, 10 октября 1941 года, фон Бок записывает: «Попытки прорыва, предпринятые противником на юге от Брянска, успешно пресечены; так что вся вчерашняя суeta и озабоченность по этому поводу оказались безосновательными. На севере Брянска, напротив, главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения. Тем не менее там еще много чего осталось, особенно в смысле вооружения и военного имущества»¹⁰.

За минувшие сутки дивизии армии генерала Петрова, прикрываясь сильными арьергардами, по раскисшим дорогам, а иногда и по бездорожью совершили пятидесятикилометровый марш и вышли к Хвастовичам.

– Наше дело какое... – рассуждал пожилой боец Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. –

⁹ Бок Фёдор фон. Я стоял у ворот Москвы. Дневник командующего группой армий «Центр». М.: Яуза, 2009. С. 190–192.

¹⁰ Там же. С. 192.

Наше дело – солдатское. Приказали бежать, мы и бежим. Бежать – не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. – И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошёл густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, он завязался в такой ядрёный жгут, которым можно было повалить любую вражью силу.

А их полк третьи сутки на марше. И марш-то какой-то несуразный. Командиры злые, неразговорчивые. Видать, думал себе боец Отяпов, всё это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и форменное вредительство придётся отвечать перед Родиной и народом. Но народ-то, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. Хорошо, хоть винтовки не побросал. А Родина всё не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились всё хуже и хуже.

– Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, – сказал сержант-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

– А что такое? Appetit испорчу? Так все одно с утра ничего не ели и, видать, до утра ничего такого не предвидится.

– Вот выйдем к Рессете, там, в Хвастовичах, наши дивизионные тылы. Там нас ждут кухни и отдых. Так что, ребята, не падайте духом. – Ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску.

Обсушиться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу, от костра к костру, вдоль остановившейся на час-другой дороги:

– Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время таких изнурительных переходов. «Вот, – думал боец Отяпов, с беспокойством посматривая на свои ботинки, – и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу изнашиваете прежде моей». Ещё месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как борона, пахнувшие дёгтем. И сносу им, казалось, не будет. И что он в них повоевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До этого, так сказать, нёс службу при дивизионной прачечной. Там, с бабами, было повеселее. А тут вон и шутки никто не понимает...

В левом ботинке стало холодить, а вскоре захлюпало. «Что ж ты, боец, – с досадой поглядывал на него Отяпов, – так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, но прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается. А ты, сутки некормленный, с десятью патронами в подсумке, изволь исполняй то, что тебе прикажут». Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за табак у сержанта-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки, и – как сапогах! Но где-то сбоку, видать, раскис и начал расходиться шов. Надо бы просушить боти-

нок, почистить его и подбить свежими деревянными гвоздями. Но где о таком думать в этой кутерьме?

Спать на ходу для Отяпова – дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напороться. А то споткнётся кто из впередиидущих, выставит свою винтовку со штыком, а ты – на его. Хорошо, народ почти побросал свои штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за берёзки ими цепляться...

А дрёма так и охватывает, так и ласкает тело. Нет сил отгонять её. Так и прилёг бы сейчас под любым кустом, не посмотрел бы ни на сырь, ни на что. Только бы выспался всласть, а там будь что будет...

И посреди этих своих сугубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлеса. Тот, похоже, тоже на него глянул. «Как бы не догадался, о чём я только что возмечтал», – беспокойно подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие...

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив днёвку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надёжные ребята. На Десне лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолётами и начал обрабатывать тяжёлыми бомбами передний край обороны полка. Ничего, медвежатиной от них после налёта не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк про-

шёл через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплосховали. Стреляли, как все, отсекали пехоту.

И вот – ушли с поста. Смена пришла, а их и след простыл. Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсумки, гранаты. А потом и самих.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна всё шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под берёзой белые как мел и ждали каждый своей пули.

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов закрыл глаза. Смотреть на то, как умирали тамбовские, он не пожелал. Отяпову почему-то их было всё же жалко. Хоть и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но всё же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы не расстреливать тамбовских. Пострадать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле берёзы затворы. А некоторые смотрели. И потом обсуждали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские закапывали...

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них, конечно же, стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой

отвалится подмётка, и – что тогда ему, бойцу Отяпову, делать посреди дороги? Как воевать дальше? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование всё же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из этого обменного фонда перепало.

За этими мыслями, которые истерзали бойца Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сёк, царапал, будто колючей проволокой, по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, через два дня Покров. Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пёс клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. «Если не прилетит, – загадал Отяпов, – значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел».

Второй снаряд лёг уже поближе к дороге, видно было, как блеснуло за деревьями и чуть погода посыпались по кустам осколки. А третий на куски разнёс санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед ложиной и из неё перегружали на повозки раненых.

– Господи Иисусе Христосе. – И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

– Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетаскаться через лощину. Дорогу совсем растолкли. Вперёд ушли танки и бронетранспортёры. Тракторы протащили тяжёлые орудия. И теперь телеги проваливались в колеи, заполненные густой жижей, по ступицы. Кони лезли из гужей.

– Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, – приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба.

– Да какой тебе закурить, – терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. – Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

– Шире шаг, мать-перемать! – кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обгорелое дерево, он стоял на взгорке и размахивал чёрным трофейным автоматом без магазина. Всё перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди сержанта-связиста:

– Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит

серёд дороги.

– На дороге – не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Рядом тянулся санитарный обоз.

– Дядя Нил, подсоби! – услышал он знакомый голос.

Присмотрелся: господи Исусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченицы племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. И тоже в шинельке, и в пилотке.

Лидка нахлёстывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о крайнюю доску. Отяпову даже показалось, что Лидка везёт мёртвого. Мёртвых складывали у дороги, мёртвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах.

– Ты ж откелева, дочка, в наш ад свалилась? – посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке сержанта Курносова и сам налёг на полок.

Ещё двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь почувствовал помощь, полез по грязи, как чёрт, и через минуту-другую они уже бежали, то ли подталкивая полук, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нём комбата. Толкнул Лидку.

– Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Рессеты, – сказала Лидка и отвернулась.

– Куда его ранило? – тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответил Лидка.

Но она ничего не ответила.

– Скидай его в канаву, сук-кина сына! – И Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлестывать коня, и тот понёс повозку обочиной, обгоняя вереницы понуро бредущих бойцов.

«Вот жизнь, – думал Отяпов, – твою капитана-мать... А ведь – капитан, действительно капитан. Он разглядел шпалу на петлице шинели. Большой человек, батальоном командует...»

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дурёха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне, а и разу не встретились.

Пока вытаскивал из грязи повозку с пьяным комбатом левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом – полной рекой... Твою-капитана, про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? Если к тому же ей приказ отдан,

то как военному человеку можно поступить иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в тридцать шестом искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено всё в лугах, растресено, мокнет, гниёт. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку затеял. Ну и вытащили они их, всех троих, на пруд и искупали в ряске... Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем при большом штабе.

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хряскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперёд. Её глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки. Да провод Курносова. Вот спасибо сержанту, не зря что связист.

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в тугой жгут, шёл, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нём чувство-

вались нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но их тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперёд, в том же потоке.

– Давай, Курносов, не отставай, братец, – торопил Отяпов сержанта.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторнее и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие, и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулемётного расчёта. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для РПД¹¹. Надо бы помочь пулемётчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч, эх, всех не вынесешь...

– Держи, не потеряй! – И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

¹¹ Ручной пулемёт Дегтярёва, которым были вооружены стрелковые части Красной армии. Основной пулемёт нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

Пулемётчик действительно оказался тяжёлым. Глубже стали утопать гони в болотине. Хорошо, что сапёры загати-ли колею и вязанки хвороста держали ногу, пружинили, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперёд, так что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь. Курносов хрипел рядом. «Только бы не бросил мою винтовку, – беспокоился Отяпов. – Только бы снаряд не попал в настил...»

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, брёвна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава вторая

Тайна гибели командарма Петрова

«ОН ЖЕСТОК ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ ХРАБР...»

Что произошло под Хвастовичами. Гудериан считал дело с 50-й армией решённым. Ловушка на Рессете. Атака дивизии генерала Фоканова. Яростный полк полковника Краснопивцева. Встреча генералов Фоканова и Петрова в Гутовском заводе. Переправа объявлена армейской. Лихое болото. Бояновичи, Нехочи, Пеневищи... Напрасно Гудериан не прочитал «Войну и мир» Льва Толстого. История непокладистого майора Кравченко. Свидетельства выживших на переправе. Бой, о котором промолчали свидетели и молчат историки. Что же произошло со штабом армии? Несколько версий гибели генерала Петрова: версия сына Александра Михайловича Петрова, версия маршала Ерёмченко и версия, которая складывается из ранее неизвестных документов и свидетельств. Куда исчезли награды командарма? Записные книжки Василия Гроссмана. Как выходили дивизии. На новых рубежах под Белёвом. Сейф, найденный в Рессете

Гейнц Гудериан в книге «Воспоминания солдата» так рассказывал о событиях этих дней: «Снегопад продолжался также и 12 октября. Мы все еще оставались сидеть в небольшом населённом пункте Дмитровске (Дмитровск-Ор-

ловский), улицы которого представляли собой сплошное месиво грязи, и ожидали новых указаний главного командования сухопутных войск относительно предстоящей перегруппировки. Наши войска замкнули кольцо окружения вокруг большого котла южнее Брянска и вокруг небольшого котла севернее этого города, но продвигаться вперед войска не могли из-за плохого состояния дорог, 48-й танковый корпус, который в самом начале наступления так быстро продвинулся через Сумы и вышел на хорошее шоссе, также продвигался теперь с большим трудом в направлении на Фатеж. У Мценска продолжались бои со свежими силами противника. Пехотным дивизиям 35-го корпуса было указано на необходимость очистить от противника леса в районе “трубчевского котла”. Не только мы, но и вся группа армий “Юг”, за исключением 1-й танковой армии, застряла в грязи, 6-й армии удалось занять Богодухов северо-западнее Харькова. Севернее нас 13-й армейский корпус овладел Калугой, 3-я танковая группа заняла Старицу и наступала на Калинин. Главное командование сухопутных войск дало указание об окружении Москвы, однако до нас эти указания не дошли. 13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщевом. Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии 24-го танкового корпуса. Несмотря на эту помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться

и достичь района Дмитровска (Дмитровск-Орловский), где она вновь была задержана»¹².

Гудериан пишет об окружённых частях 50-й армии как некоем неприятном препятствии, которое в конце концов помешало моторизованным корпусам его 2-й танковой армии выполнить главную задачу – взятие Москвы.

И это было именно так: марш на Москву, который в начале октября 1941 года казался сокрушительным, начал замедляться из-за неожиданно яростного сопротивления попавших в окружение частей Красной армии, которые никак не хотели сдаваться. Потом пошли дожди и выпал снег. Потом окружённые, пусть в малой силе, но всё же вышли из больших и малых котлов, заняли новые позиции, провели перегруппировку и пополнились людьми и вооружением и встретили огнём движение «Тайфуна» в непосредственной близости от Москвы. А потом подошли сибирские и дальневосточные дивизии и контратаковали только что вылезших из грязи, но тут же примороженных уроженцев Рейна, Баварии и Силезии, не привыкших ни к таким температурным перепадам, ни к такому фанатичному упорству противника.

Так складывалась наша победа под Москвой. Одна армия постепенно, от боя к бою, от стычки к стычке, таяла, растягивала свои коммуникации и слабела, а другая, казалось бы, теряла сотни тысяч убитыми и пленными, танки и орудия

¹² Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 234.

целыми дивизиями, бригадами и арtpолками и дивизионами, но, «нечувствительная к потерям», вновь восстанавливала свои силы на новых позициях и с прежним и даже более мощным упорством бросалась в бой.

Итак, Гудериан повернул к Рессете 3-ю танковую дивизию и полк «Великая Германия». Здесь уже стояли, маневрируя на путях отхода 50-й армии 112-я пехотная и 3-я танковая дивизии. На перехват выходящей из окружения 50-й армии немцы бросили самые лучшие свои части: элитный полк «Великая Германия» и 3-ю танковую дивизию. Совсем недавно 3-й танковой командовал знаменитый Вальтер Модель, который в те дни севернее вёл к Москве 41-й танковый корпус и который совсем скоро возглавит войска 9-й полевой армии. Он передал свою непобедимую дивизию генералу танковых войск Брайту. Для Брайта дело на Рессете против 50-й армии Брянского фронта было подарком судьбы, возможностью отличиться. 3-я танковая дивизия участвовала во всех боях на пути Великого Рейха к мировому господству: в чешском походе, в Польской и Французской кампаниях, в Белостокско-Минском и Смоленском сражениях. Везде отличалась храбростью и выучкой своих солдат, слаженностью экипажей.

Путь для выхода на Карачев, на юго-восток, указанный маршалом Шапошниковым для выхода 50-й армии, оказался дорогой страданий и огромных потерь. Чего стоила только переправа через р. Рессета!

11 октября утром после артподготовки и залпа «катюш», которые выпустили остатки своего боезапаса, 154-я сд генерала Я.С. Фоканова¹³ пошла на прорыв в направлении населённых пунктов Бояновичи и Нехочи (ныне Калужской области). Оставив Брянск, она шла в авангарде отступающих частей армии. Вначале казалось, что наметился некоторый успех. Двинулись обозы. Но на р. Катогища ударную группировку, на которую была возложена задача прорыва, контратаковали танки и пехота противника. Ударная группировка

¹³ Фоканов Яков Степанович (1899–1985) – генерал-лейтенант. Родился в д. Кононово Устюжского уезда Новгородской губернии (ныне Вологодской обл.). Русский. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны – в отряде лыжников Петроградского гарнизона. Участник подавления Кронштадтского мятежа. Окончил полковую школу (1920), 7-е Петроградские пехотные курсы красных командиров (1921), Киевскую объединённую военную школу им. главкома С.С. Каменева (1925), Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел» (1938), ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1947). Прошёл путь от командира стрелкового и пулемётного взвода до командира стрелкового корпуса. Войну встретил в должности ком. 154-й сд. В составе 21-й А дивизия вела тяжёлые оборонительные бои под Рогачёвом и Жлобином. Затем – в составе 50-й А в районе г. Лоев. В сентябре 1941 г. в составе 50-й А Брянского фронта. Участвовала в Орловско-Брянской и Тульской оборонительных операциях. В декабре 1941 г. в ходе Калужской наступательной операции освобождала г. Калуга. В августе 1942 г. в составе 3-й танковой А участвовала в контрударе в р-не г. Козельск. Преобразована в 47-ю гвардейскую сд. В октябре Фоканов со своей дивизией отбыл в р-н Сталинграда. С декабря 1942 г. зам. ком. 5-й танковой А. С апреля 1943 г. – ком. 29-го гв. ск 8-й гв. А. с корпусом дошёл до Победы. После войны служил на Дальнем Востоке, в Сибири. Майор (1936), полковник (1939), комбриг (1939), ген. – майор (1941), ген. – лейт. (1943 г.) Награждён: орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й ст., Суворова 2-й ст., Кутузова 2-й ст., Отечественной войны 1-й ст.

понесла большие потери и начала откатываться на исходные. Тем временем действительный успех наметился на другом направлении, южнее д. Пеневичи, где упорно атаковали батальоны 473-го стрелкового полка и наконец заняли д. Чистяково и Гутовский лесозавод. Генерал Фоканов тут же перебросил на подмогу полку сапёрный батальон и артдивизион с приказом закрепиться на занятом рубеже и приступить к наведению переправы через речку Рессету.

473-м стрелковым полком командовал храбрый полковник, опытный солдат, дравшийся с германцами ещё в Первую мировую, М.П. Краснопивцев. Неудивительно, что успеха достиг именно его полк. О полковнике Краснопивцеве мы ещё расскажем в тульских и калужских главах этой книги. Удивительный человек, настоящий воин. Таких земля рождает редко и словно только для того, чтобы они в трудный для Родины час собирали вокруг себя таких же верных и стойких и шли в самый крошечный бой, в огненный ад – либо умереть, либо преодолеть его.

Итак, успех полка полковника Краснопивцева был развит. Части дивизии закрепились с целью наведения переправы.

Рессета – речка невеликая. Тихая, омутистая. Пойма широкая и болотистая. Для переправы войск крайне неудобная.

Ветхий мост, который возвели здесь до войны рабочие лесозавода, не выдержал веса ЗиС-5 с реактивными установками. Первая же машина, выехавшая на настил, провалилась. Пришлось строить новый. Мост возводили под непрерыв-

ным огнём артиллерии и миномётов противника. И вот, наконец, переправа началась.

13 октября немцы предприняли атаку – на переправу двинулось до батальона пехоты. Однако атака была отбита. Дивизия продолжила переход на восточный берег.

Дальнейшие события сложились таким образом, что судьба 154-й дивизии стала судьбой всей армии.

Во второй половине дня к переправе выехал кортеж штабных машин. Их тут же обступили бойцы. Из машины вышел командарм Петров. К нему направился генерал Фоканов и доложил обстановку. Доклад командира дивизии слушали также член Военного совета бригадный комиссар Н.А. Шляпин и начальник оперативного отдела штаба армии подполковник Ф.Е. Почема.

Командарм выслушал доклад генерала Фоканова и сказал, что переправа 154-й стрелковой дивизии через Рессету с этого часа становится армейской. Командовать переправой он тут же назначил начальника оперативного отделения 154-й стрелковой дивизии майора Б.Г. Вайнтрауба, которому был отдан приказ: приступить к переправе соединений только после того, как будет организовано надежное прикрытие с запада – со стороны Фроловки, с севера – от Хвастовичей и с юга – от Карачева.

В поисках выхода из окружения, ломая котёл там и тут, 50-я армия втягивалась в новый мешок, приготовленный немецким командованием. Горловина мешка должна быть

стянута надёжным, смертельным жгутом именно здесь, на Рессете. Маневр наших частей, оставивших позиции севернее Брянска и сам Брянск, был ограничен до предела. Старая истина – больше всего войска уязвимы на марше.

Остаток дня 13 октября и ночь на 14-е число переправа шла относительно спокойно. Отряды прикрытия окопались севернее, западнее и южнее Лихого болота.

Не зря этому гиблому месту на Рессете люди дали такое имя.

Но пока всё шло так, как предписывал приказ командующего.

Усиленные боевые охранения стерегли дороги и тропы, отгоняли небольшие разведгруппы противника, пытавшиеся проникнуть в район переправы. По мосту сплошным потоком двигались войска, обозы, артиллерия, транспорт.

Подошла и начала организованно и быстро переправляться на восточный берег 258-я дивизия комбрига К.П. Трубникова¹⁴. За нею полки и батальоны других дивизий.

¹⁴ Трубников Кузьма Иванович (1888–1974) – генерал-полковник. Родился в с. Гатище Ливенского р-на Орловской губ. В русской армии с 1909 г. Служил в Семёновском полку. В Первую мировую войну унтер-офицер, ком. пех. взвода. Затем младший офицер роты, поручик. Кавалер четырёх солдатских Георгиевских крестов. В Красной армии с 1918 г. В Гражданскую командовал взводом, ротой, батальоном, полком, бригадой. В 1927 г. окончил КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Командовал дивизией. В 1938 г. арестован и до февраля 1940 г. находился под следствием. В марте 1940 г. восстановлен в рядах РККА. В июле 1941 г. назначен на 258-ю сд. С ноября 1941 г. ком. 217-й сд. В 1942 г. зам. ком. 1-й А, затем зам. ком. Донским фронтом под Сталинградом. В

Но немецкая разведка не дремала.

На рассвете 14 октября, заблаговременно подведя артиллерию и миномёты, противник начал пристрелку. Первые снаряды и мины легли в лесу и в болоте, не причинив колоссального вреда. Однако с каждой минутой артиллерийско-миномётный огонь становился всё точнее и губительнее. Благо погода была нелётной: дождь, переходящий в снежные заряды, густой туман – авиация сидела на аэродромах. Во второй половине дня небо прояснилось. И тут начался ад. Одновременно боевые охранения были атакованы сразу с двух направлений – со стороны Хвостовичей и со стороны Карачева. Немцы обложили переправу и начали сдавливать её, стараясь захлестнуть петлю на мешке именно здесь и теперь, когда основная масса войск 50-й армии втянулась в район переправы.

Для командиров дивизий и штаба армии стало очевидным, что отход на юго-восток на Карачев невозможен. Там сильные заставы. Гудериан бросил за запечатывание кочующего котла ещё одну свою танковую дивизию. Знать бы ему, лучшему танковому генералу, который имел лихие прозвища Быстроходный Гейнц и Гейнц-ураган, что очень скоро, не закончится и октябрь месяц, именно 50-я советская армия,

1943 г. зам. ком. Центральным фронтом. Ком. 10-й гв. А. В 1944 г. зам. ком. 1-м Белорусским, затем 2-м Белорусским фронтами. На параде Победы возглавлял сводный полк 2-го Белорусского фронта. После войны продолжил службу. Награждён: двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й ст., Суворова 2-й ст., Кутузова 2-й ст., орденом Красной Звезды.

которую он не пустил к Карачеву и Орлу, отжав к Белёву и Туле, быстро восстановившись и пополнившись людьми и вооружением, с новым командующим, встретит его на Оке и остановит на тульском рубеже. Что Тулу он так и не возьмёт. Что морозы его танковую армию застанут совсем недалеко от этой переправы и от русских сёл и деревень с однозвучными названиями Нехочи, Бояновичи, Пеневичи. Что гибель и пленение большей части окружённой армии и даже смерть её командующего для судьбы войны, и даже московского сражения, да и для его личной судьбы, как солдата своего фюрера, ровным счётом ничего не значили. А ведь судьба пошлёт сидеть в Ясной Поляне, руководить атаками на Тулу оттуда. Мог бы и более внимательно почитать «Войну и мир» бывшего хозяина здешнего дома и усадьбы. Не почитал. Пренебрёг. Немцы, да и вообще европейцы, всегда себя считали умнее нас, русских. Все лучшие книги они к тому времени уже прочитали, худшие – сожгли.

Боже, как это похоже на новейшую историю!..

На переправу возле Лихого болота налетели пикировщики. Одна из бомб весом около тонны угодила точно в цель: настил и автобусы, которые служили опорами для бревенчатого наката, разметало. Погибли и были ранены сотни людей и лошадей. Переправа прервалась.

И снова с юга от Карачева и с севера вдоль дороги на Хвастовичи возобновила наступление немецкая пехота при поддержке танков и бронетранспортёров. Казалось, судьба

не успевших переправиться решена. Но отряды заграждения выстояли. Обе стороны в том бою понесли огромные потери. Немцы лезли напролом, вводя в бой новые и новые подразделения и танки. Наши бойцы стояли твёрдо. Истребители танков вели огонь из противотанковых орудий. Стрелки отсекали пехоту. А за спиной сапёрные части кинулись в болото и принялись ремонтировать настил. И вскоре переправа вновь ожила. Серый поток снова двинулся на восточный берег.

Бывший боец 260-й сд дивизии Д.И. Филько так вспоминал ту злосчастную переправу через Рессету: «Не только 260-я стрелковая дивизия здесь была, но и другие части с других дивизий. В основном гужтранспорт, вместе с людьми. Все повозки были нагружены до предела военным имуществом и военной техникой. Автомашин было мало. Было несколько крытых фургонов, как мы их называли тогда, с ранеными. Много было гражданских подвод со своим имуществом, хозяйством, даже были коровы прицеплены к задкам. Много детей. Очень много эвакуировалось из Брянска. Вот теперь представьте себе, что могло быть во время бомбежки там...»

А вот что вспоминает бывший командир 559-го саперного батальона 299-й дивизии М.Д. Максимцов: «Нужно отдать должное командиру дивизии полковнику Серёгину Ивану Федоровичу, питерскому рабочему, коммунисту, участнику Гражданской войны. Собрал командный состав в лесу в

районе Хвастовичей, полковник Серегин сообщил решение на прорыв вражеского кольца частями дивизии. Дал указание, как подготовиться к прорыву. Издал приказ: за дезертирство, за паникерство, как и за измену Родине, – расстрел. Это был суровый приказ. Но именно эта суровость, собранная в кулак воля помогли нам с боем форсировать Рессету, прорваться из окружения и снова встать в строй. Саперному батальону приказано было переправить через реку дивизионную артиллерию, батальон связи и штаб дивизии. И вот бойцы саперного батальона, рота за ротой движутся к реке по топкому лугу. И хотя наши артиллеристы, едва мы вышли к берегу, поддержали нас огнем, противоположный берег встретил нас дождем свинца. Должно быть, не осталось ни одного метра поймы болотистой Ресеты, который не был бы полит кровью наших воинов. И все же в ночь с 13 на 14 октября 1941 года, форсировав реку, мы сумели закрепить себя на противоположном берегу и двинуть вперед тяжелые машины батальона связи, радиостанции узла связи, переправить машины штаба дивизии и не остаться без артиллерии. Все пушки 843-го артполка шли за ними... 19 октября наша 299-я дивизия заняла оборону по восточному берегу р. Ока, южнее Белёва, на рубеже Фурсово – Городище. Из окружения вышли все части дивизии, вывели технику, сохранили боеспособность и волю к борьбе. И снова мы дрались, теперь уже на тульской земле».

Для справки. Из 299-й дивизии к Белёву вышли: по од-

ним данным, 825 человек с 26 пулеметами, двумя минометами и четырьмя гаубицами; по другим – около 400 человек без тяжёлого вооружения. Одновременно, параллельным потоком, командир 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии майор И.Я. Кравченко¹⁵ вывел к Белёву свой полк в полном составе, при этом вывез всю полковую артиллерию «с превышением лимита в 4 ствола» – подобрал четыре брошенные «сорокапятки». Всего майор Кравченко вывел около 5000 человек, среди которых больше половины было присоединившихся в пути и брошенных своими командирами бойцов разных подразделений, и 500 единиц обоза.

Какую награду за свой несомненный подвиг получил майор Кравченко? А «награду» он получил. Подвиг не остался незамеченным.

¹⁵ Кравченко Иван Яковлевич (1905–1942) – майор РККА. Родился в д. Студёнки Киевской губ. в крестьянской семье. Украинец. Окончил сельскую семилетку. Работал почтальоном. В 1925 г. призван в РККА. Окончил школу мл командиров, затем Киевскую пехотную школу (1931), курсы «Выстрел» (1933). Участник похода в Западную Украину (1939) и советско-финляндской войны (1940). Ком. стрелковой роты. Отличился при прорыве укрепрайона финских войск 11 февраля 1940 г. В бою принял командование батальоном. Тяжело ранен. Присвоено звание Герой Советского Союза. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Ком. 766-го сп 217-й сд. С начала войны на фронте. В августе назначен на должность ком. 956-го сп 299-й сд. В октябре попал в окружение и считался пропавшим без вести. В марте 1942 г. назначен ком. 324-й сд. 7 апреля смертельно ранен в бою на р. Жиздре у д. Клиницы (ныне Думиничский р-н Калужской области). Награждён: медалью «Золотая Звезда» № 373, орденом Ленина.

23 октября, когда 299-я сд уже стояла в обороне под Тулой, командир дивизии полковник Серёгин, придравшись по мелочам, отстранил майора Кравченко от командования полком и отправил «на расправу» в Тулу. Но в Туле, в штабе 50-й армии, не мыслили категориями зависти и мести за чужой успех и назначили Кравченко начальником Южного боевого участка. «В должности оставить, из 299-й дивизии перевести. Поручить формирование сводного полка. Командарм Ермаков». Генерал Ермаков, который в те дни командовал 50-й армией, знал непростой характер майора Кравченко, но он знал и его храбрость, умение организовать бой в самых сложных обстоятельствах. Так сложилась история обороны Тулы, что самый мощный натиск на город был отбит именно на фронте Южного боевого участка и под командованием майора Кравченко. Иван Яковлевич Кравченко снова отличился. Вскоре его назначили заместителем комиссара 154-й стрелковой дивизии. Однако старый и верный недруг полковник Серегин, как настоящий большевик, продолжал писать во все инстанции новые доносы на своего бывшего комполка. В итоге Кравченко понижают в должности до командира Тульского рабочего полка. И полк под командованием майора Кравченко снова отличается. Об этом рассказ впереди. Вскоре после декабрьского контрудара под Москвой Сталин лично запросил дело непокладистого майора, изучил все обстоятельства и назначил Кравченко командиром 324-й стрелковой дивизии 10-й армии.

События и обстоятельства в первую шеренгу выталкивали таких, как Краснопивцев, Кравченко. Это были настоящие русские люди, русские офицеры в самом корневом смысле. Ими трудно было управлять, потому что управлять ими умела только стихия войны. Риск, хождение по самому краю были для них обыденным делом. Такие умели брать на себя всё и потом за всё отвечать. Не паиньки, не ребята-комсомольцы, не тупые исполнители, не способные к самостоятельному мышлению, а твёрдые, закалённые ветрами не одного похода и не первой войны солдаты, рыцари чести, умевшие отдавать любые приказы и отвечать за них. Война была главной и всепоглощающей работой этих людей. Как правило, век их на фронте был недолгим. Кравченко погиб в марте 42-го на р. Жиздра. Краснопивцев – почти в те же дни чуть севернее, под Мосальском на Варшавском шоссе, в Долине смерти.

Но вернёмся на Лихое болото, на переправу через Рессету. Из воспоминаний начальника особого отдела 290-й сд Н.Р. Акабы: «Особенно жестоким, кровопролитным и скоротечным был бой у р. Рессеты. Мы сами залезли в заранее подготовленный немцами мешок. Вдруг со всех сторон нас охватил шквал огня, изрыгаемый пулеметами, автоматами и минометами. Ловушка была подготовлена с немецкой расчетливостью. Наши скоро опомнились, прошли растерянность и паника, закипел бой. Здесь я видел впервые в жизни настоящую неукротимую человеческую ярость, и она победила. Среди атакующих запомнилась молодая женщина –

капитан медслужбы Гергель, которая с наганом в руке шла впереди на прорыв, стыдя паникующих мужчин. Геройски вели себя у переправы оперативные работники третьего отдела Белых, Попков, Екимов, Нестеров, Заболотный, Моряков, бойцы особого взвода во главе с командиром Темировым. Бой у переправы обошелся нам очень дорого, потеряли много хороших людей».

Из воспоминаний бывшего партгруппорга разведроты 290-й сд З.В. Зубковой: «К полудню 13 октября на голом Лихом болоте скопилось столько людей, повозок, автомашин, пушек, тягачей, что пройти можно было, только пробираясь под животами коней, под дышлами бричек или щелями между машинами. Болотная земля прогибалась под ногами, как парусина, под колесами она лопалась с глухим выдохом. Пушки, подводы ложились брюхом на прихваченную морозцем ржавую, затоптанную жесткую траву, и вытащить их было нельзя, и тащить было некуда. Переправы не было. Каждые пять минут в реку, туда, где еще виднелись остатки бревчатого моста, пачками ложились снаряды... К полудню 13 октября не было полков, батарей, батальонов. Под вечер потекли с бугров к Рессете раненые. Ими были переполнены медпункты. Раненые и больные лежали на машинах, на повозках, на тропинках у реки... Под вечер фашисты ударили из пушек по всему Лихому болоту... Ночь пришла страшная. На кашель, на лязг, на скрип отвечал из заречных кустов пулемет. 14 октября показалось солнце... На Лихое болото

прилетели самолеты врага, они высыпали бомбы на остатки переправы и ушли, просматривая Рессету вниз по течению».

Гудериан в своих воспоминаниях записал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии».

Гудериан, мягко говоря, позволил себе приврать. Впрочем, жанр мемуаров, даже если это называется дневником, подобные отступления от правды допускает. Во-первых, к 17 октября севернее Брянска наших войск, во всяком случае того количество, которое бывший фельдмаршал вермахта заявил в своих мемуарах, уже не было. Котёл откочевал на восток и уже находился не севернее, а восточнее Брянска. Во-вторых, капитуляции 50-й армии как таковой не было. *«Напрасно ждал Наполеон, Последним счастьем упоенный, Москвы коленопреклоненной С ключами старого Кремля...»* Быстроходный Гейнц, как всякий удачливый завоеватель, тоже, должно быть, ждал чего-то подобного от поверженного противника на своём участке фронта. 50-я армия была разбита, этого невозможно отрицать. Но она не была уничтожена и не капитулировала, если прилагать к этому понятию буквальный смысл. Гудериан – человек военный, и он называл вещи своими именами. В данном случае он поступил в большей степени как политик или даже публицист, но не как историк. Тогда же кто бил его под Тулой и в самой

Туле, на городских окраинах? Ведь били его те же самые дивизии, которые он «пленил» под Брянском!

Бои на линии р. Рессета стали самыми кровопролитными для 50-й армии. Именно здесь, в один из дней переправы, армия фактически лишилась командования, а значит, единого управления. В бою получили тяжёлые ранения командующий генерал М.П. Петров и начальник политотдела А.Г. Журавлев, погибли член Военного совета Н.А. Шляпин и многие работники штаба.

Достоверных сведений о подробностях боя, ставшего подлинной трагедией для армии, до сих пор нет. Удивительным образом о нём промолчали свидетели и действующие лица, которые впоследствии писали мемуары и потоком издавали их в «Воениздате», а теперь молчат военные историки и краеведы. Говорят, что, пока был жив маршал А.И. Ерёменко, в печать о брянском периоде 50-й армии ничего не проходило. Так и было. Хотя, возможно, это просто совпадение.

Позволю себе небольшое отступление, впрочем, не отходя от нашей темы.

В 1978 году судьба занесла меня на Рессету, в те самые места, где в октябре 41-го пробивались из окружения дивизии, полки, отдельные отряды и одиночки из северного котла Брянского фронта. Стояло лето. Прекрасная погода. Август. Тёплые ночи и знойные дни. Шли вниз по течению Рессы от деревни под названием Севастополь до с. Чернышен. Где-то возле Фомина Верха встретили рыбака. Тот ночевал

в стогу в пойме. Вставал на зорьке и таскал щук. А днём отсыпался и грелся на песке. Наш лагерь стоял на одной стороне Рессеты, а рыбак жил в стогу на другом. И вот он, видя, что мы путешествуем по реке, в которой изобилие всякой рыбы, но рыбалкой не занимаемся и не имеем от реки никакого приварка, предложил нам одну из своих удочек. Я пошёл по мелководью, чтобы забрать предложенную снасть. В песке на дне реки лежали камни, поросшие тиной. Вначале я хотел пройти по ним, но что-то меня удержало. Когда я вышел на другой берег, сказал рыбаку, что камни на дне какие-то странные, все одинаковые. «А это не камни, — ответил он. — Это черепа. Солдаты. Вот вчера нашёл в овраге...» — И он вытащил из сена винтовку. Приклад и цевьё уже подгнили и потрескались, но всё ещё держались, прихваченные кольцами креплений и накладками. Затвор ходил, хотя и не до конца.

После этой встречи мы стали обращать внимание на местность, по которой шли. Окопы, ходы сообщения, воронки. Кругом валялось железо войны: каски, противогазы, гильзы, куски колючей проволоки, осколки мин и снарядов, иногда целые снаряды и гранаты. Тогда этого добра в нашей местности было навалом. Если останавливались в лесу, прежде чем развести костёр, протыкали землю куском проволоки.

Вернувшись из путешествия по Рессете, я не раз пытался найти в справочниках, энциклопедиях или среди мемуаров хоть что-нибудь, что могло просветлить в голове тот туман,

который не давал покоя долгие годы. Не нашёл ничего. Лишь в последние годы начали появляться публикации, понемногу проясняющие смутные события тех дней – переход 50-й армии через Рессету, бои в окружении и полуокружении, когда даже командиры не знали точно, куда же надо пробиваться, на юго-восток или всё же севернее, где заслоны противника не столь плотны и сильны...

Лет через десять после того путешествия я рассказал о находке поисковикам, указал тот приметный поворот реки на карте. Они подняли останки погибших. Определили, что это были красноармейцы. Их похоронили в братской могиле неподалёку. Вот и всё. Местным властям дай бог осилить ремонт могил и памятников. Понимания того, что историю надо изучать, хранить и передавать детям, нет.

О генерале Петрове всерьёз начали говорить в конце 1980-х. В основном в среде поисковиков, краеведов-энтузиастов. Не обошлось и без курьёзов. Сразу несколько человек клялись мне, что нашли останки генерала Петрова и «решают вопрос» о том, где и как хоронить, и что знают доподлинно обстоятельства его гибели и скоро всё это опубликуют...

Биографическая справка о генерале М.П. Петрова везде коротка и примерно одинакова.

Родился в д. Залустежье ныне Лужского района Ленинградской области в крестьянской семье. Русский. Член партии большевиков с 1920 года. Окончил 4 класса сельской школы. Работал учеником слесаря на Путиловском заводе,

шофёром в Петрограде. Весной 1917 года вступил во Второй Петроградский красногвардейский отряд, в должности командира отделения участвовал в штурме Зимнего дворца. С 1918 года в Красной армии. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил Тамбовскую военную пехотную школу, в 1925-м – Закавказскую политическую школу, в 1932-м – бронетанковые курсы. Командовал танковым батальоном. Участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Командир 2-го танкового батальона, майор, в группе комбрига Д.Г. Павлова. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июня 1937 года. Участник похода советских войск на Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году, командовал 15-м танковым корпусом. В 1940 году – инспектор автобронетанковых войск Западного военного округа, генерал-майор. В 1941 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командующего 17-м механизированным корпусом в составе 27-й танковой, 36-й танковой и 209-й моторизованной дивизий. Корпус входил в состав Западного фронта и располагался в районе Барановичей. 27 июня корпус был атакован силами 47-го моторизованного корпуса вермахта из 2-й танковой группы и прекратил свое существование. В августе 1941 года М.П. Петров был назначен командующим 50-й армией. 7 октября 1941 года назначен командующим Брянским фронтом. При выхо-

де из окружения был тяжело ранен и умер 10 октября 1941 года, похоронен у д. Голынка (Карачевский район Брянской области).

Из официальной справки, опубликованной во всех изданиях, как видим, неясно, как погиб генерал Петров, при каких обстоятельствах получил тяжёлое ранение, которое вскоре привело к смерти, кто хоронил его тело. Справка вызвала больше вопросов, чем давала какие-либо ответы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.